

Взрывная смесь из золота и нитроглицерина

Культура. - 2001. - 16-22 авг. - с. 9

Казанский БДТ им. В.И.Качалова на рубеже сезонов

Сцена из спектакля "Пиковая дама"

Сезон был продлен на полмесяца. По настоячивым просьбам публики. Недовольны только пожарные — администрация часто не прислушивается к их повелениям, на спектаклях появляются дополнительные стулья, а то и ряды. Обычно с приближением лета в театрах наступает затишье — зрителей больше тянет на природу, на дачи и огороды, но в Казани все иначе: зал переполнен. И вряд ли это лишь проявление местного патриотизма: на афише названия, а в репертуаре постановки, которые делают часть самой солидной труппы, — недаром артистам Большого драматического театра имени Качалова рукопожесала публика Одессы, Кипра, Марселя. В последнем они частые гости — там проходит ежегодный фестиваль русского театра, о недавнем выступлении качаловцев, как и в прошлые приезды, отзывы прессы восторженные: "взрывная смесь из нитроглицерина и драгоценного металла", "великая русская магия", "исполнители многогранны, одинаково хорошо играют, танцуют и поют".

С френдузами нельзя не согласиться, увидев знаменитого "Скрипача на крыше" Дж. Бока и Дж. Стайна — сегодня это едва ли не визитная карточка театра. Название обычно воспринимается метафорой — и велико зрительское изумление, когда за открытым занавесом возникает удивленная спящая с ближайшей горки и сразу узнаваемая Анатолка, в среди крыш и в самом деле возвышается фигура музыканта со скрипкой в руках.

Давнюю историю, читанную у Шопен-Алейхана, не раз смотренную на сцене, качаловцы умудряются рассказать по-своему, трогательно и нежно. Уловить в ней оба-

яние полнокровной и притягательной — несмотря на бедность — жизни. Передать многокрасочность повседневности, тепло обыденности, словом, торжество духа над материей в резком контрасте с сегодняшним днем.

В спектаклях на "национальную тему" театры, как правило, не упускают случая злоупотребить типичностью, характерностью, экзотикой. А тут еще мюзикл, который наталкивает на зажигательные пляски и томительные мелодии. Качаловцы искусу одолели. У них тоже присутствуют типы, безосновочно признаваемые, есть и огненные танцы, живописная толпа, но все без нажима, без прикуса этнографии. Недаром постановщик спектакля главный режиссер театра Александр Славутский утверждает, что ставил спектакль о достоянии народа — каждого. Поэтому так поражают молодые люди. Кажется, что попал во времена старого МХТ, от которого так славно писано в учебниках и давней прессе, — с тщательной разработкой массовых эпизодов, чья живость не только в выразительных мизансценах и острок ритмах, но прежде всего в наполненности любого персонажа, у которого своя биография, свой облик, своя манера существования. Сидя в уютном, интеллигентном зале Качаловского, выхватываешь взглядом то будущее сошедшего с шагаловской картины Рабби (Сергей Сентягов), то жаркий всплеск рук какой-то из собирательно обозначенных "жителей местечка". На спектакле чудится, что труппа готова соперничать с самыми прославленными коллективами — по индивидуальности тоже. Тевье у Михаила Галицкого — натура библейской мощи, но и че-

ловек, органически не способный подавлять других. Потому столь подаллив в женском семейном окружении — всепонимающей Голды Елены Галицкой, Цейтл, старшей из дочерей, что у Марии Шепелевой унаследовала от отца неукротимость, от матери — мягкость и чуткость.

Спектакль, в котором едины режиссер и его мощный напарник сценарист Александр Патраков, получил Государственную премию Татарстана. Он дважды показателен — в устремлениях труппы и в ее возможностях.

Даже в "Куриной слепоте" Н. Коллады главная приманка — великолепие актеров. Поверх банальности текста, стандартно-предсказуемых ситуаций нервами и трудом артистов создается объем характеров. Из намеков, порой невинных, силлой воображения ли, наблюдения, интуиции — лица сегодняшние: будь то бесшабашная и неунывающая героиня Антонины Ивановой или две молчаливых — только выразительные мимика, жесты да позы — сестры-соседки. Драматургические прощелки, конечно, остаются, но волей театра скрадываются.

Зато полный простор в почти студенческом "Томе Сойере", наполненном мелодиями кантри. История появления спектакля более чем характерна для нашего времени: поскольку в провинции плохо с жильем (даже с общежитиями, не говоря уже о квартирах), то превратился театральным ток не только в виде гастролей, но и в самом существовании — в смене актерских поколений. Сейчас уже редко встретишь по стране молодых выпускников столичных вузов, что раньше было обычным делом. Выход — казальное, временный — нашли в набо-

ре местных ребят: приезжали педагоги из крупных вузов, а практика началась сразу в театре. В случае с Казанским БДТ курс взяла РАТИ, и "Сойер" — их дипломный спектакль, оставленный в репертуаре. Он сохранил свежесть и непосредственность, хотя с включением старших товарищей набрал профессионализм. Рядом с неистовым индейцем Джо опытного Николая Козака вполне на равных размашистый Гек Дениса Крутовских или вездливый Сид Марата Голубева, не говоря уже о заглавном герое: на Илью Славутского, резкого, гибкого, стильного, можно строить целый репертуар. Но главное, опыт удался: в театр влились молодые, современные ребята, тяготеющие к новым ритмам и формам. За ними потянулись и другие актерские поколения.

Благодаря накопленной энергии и состоялся обнаддеживающий взлет театра. На Всероссийском Пушкинском фестивале удалась "Пиковая дама", памятная петербургским снежным колоритом и фантастическо-гротескной Светланой Романовой (Графией). Впервые, сколь помнится, поставлены в России "Роковые яйца" М. Булгакова. В репертуаре прежде всего классика, великолепная литература от Мольера до Зощенко. Аншлаги воспринимаются нормой, хотя еще не так давно зритель не слишком жаловал академическую сцену. Тогда для его привлечения ставились по преимуществу зарубежные комедии, но зал пустовал. И лишь после резкой смены курса, когда основой стала серьезная драматургия, публика вернулась: примечательный пример для сторонников развлекательной сцены.

Последняя из премьер — "Трехпрошная опера", та самая, о которой вздохнул писала французская пресса. На родине прошла более 30 раз тоже с неизменными аншлагами. Еще один эстетический эксперимент — попытка решить Брехта в русле психологического театра. Не мюзикл, где музыка — основа, но зонги как способ острения, взгляда извне. Опыт не во всем совершенен, временами психологизм затормаживает действие, да и спектакль получился прозаичным. Но опять череда примечательных актерских созданий: от Пичево — равно диккенсовского и остроосовременного у Михаила Галицкого и настырной и жалкой его супруги у Светланы Романовой до простодушной в своем цинизме бизнес-вумен Полли у Эльзы Фардевой и грациозной Джени у Ольги Арисовой (хотя от нее ждешь более отчаянной партии). Конечно, заломинается и компания обаятельных бандитов во главе с Мэкки — Ильей Славутским, нервным и властным, поощренным и вместе с тем трагичным.

Достойный и дерзкий спектакль обозначил тем не менее завершенность некоего цикла. В музыкально-танцевально-песенном ансамбле хотелось бы многих рассмотреть тщательнее и подробнее. Для чего в проектах задуманы "тихие" работы на материале от Шекспира до Гофмана.

Сезон закончен с прицелом на перспективу. К тому же театру стало чуть легче — соседний ТЮЗ восстановлен после пожара, а пока он отстраивался, Большой драматический, естественно, взял на себя еще и его функцию, дополнив свой репертуар детско-молодежными постановками. Но впереди еще и знаменательная дата — 100-летие основания Казани, к которому планируется реконструкция здания. В результате театр станет крупным культурным центром — с Малым залом, с пространствами для встреч, выставок, вечеров музыкантов и поэтов. Откроется большое здание музея — а в архиве хранятся раритеты. Наконец, есть идея: сам театр научился выживать, способен гастролировать, но он думает еще и о своем зрители. Посему задуман фестиваль — для развития публики в первую очередь. Посвященный Качалову, чье имя носит театр (Василий Иванович работал здесь еще до того, как его позвали в МХТ), и призванный отразить сегодняшний этап существования российского психологического театра. Отбираются спектакли гармоничные, где режиссура не затмевает актеров, — идея более чем своевременна. На фестивале дали согласие приехать крупнейшие труппы Москвы, Санкт-Петербурга и провинции.

Вопрос только, кто поддержит, — республика дала добро, что очень важно: русские театры в национальных регионах — тема крайне деликатная, для многих — болезненная. Слово за Министерством культуры. Поскольку в Казани есть оперный, балетный и национальный фестивали, Качаловский стал бы завершением панорамы.

Геннадий ДЕМИН
Казань — Москва